

РОССИЯ

И

«СИАМСКИЙ ВОПРОС»

Ю. ДЕМЕНТЬЕВ

Кандидат исторических наук

В ОБЛАСТИ международных отношений последняя треть XIX века была отмечена чрезвычайным обострением борьбы капиталистических держав за раздел мира. Предвещая пожар первой мировой войны, в различных частях нашей планеты возникали «горячие точки». Индия и Афганистан, Китай и Индокитай оказались тесно связанными между собой не только из-за того, что расположены на одном территориальном массиве, но еще и потому, что сюда упорно стремились соперничающие державы.

Действительно, вынашивая планы захвата Индокитая, Англия лелеяла мечту связать затем свои индокитайские владения с владениями в Индии, а далее проникнуть в южные провинции Китая. Франция, со своей стороны, стремилась туда же.

Англо-французские противоречия в области международных отношений особенно обострились после 1882 года, когда англичане предприняли военную оккупацию Египта.

Тем не менее главными соперниками на азиатском материке современники считали Англию и Россию. Франция же играла здесь второстепенную роль, которая стала возрастать после завершения ее захватов в Индокитае. «Сейчас расположение фигур на доске изменилось, — писал французский публицист Лео, — Франция заняла серьезные позиции между Китаем и Россией, между Россией и Англией благодаря своей экспансии в самых богатых районах, и особенно благодаря углю Тонкина». (Это давало возможность Франции организовать здесь свою военноморскую базу. — Ю. Д.)

В Индокитае, этом своеобразном подбрюшьи Азии, наиболее острыми были англо-французские противоречия. Россия не имела здесь прямых экспансионистских целей. Оценивая позиции соперничавших держав, современники отмечали, что в Средней Азии у России они были сильнее, чем у Англии, благодаря близости к этому району ее центральных областей. В Индокитае же

из-за близости его к Индии Англия имела несомненные преимущества, в том числе и с военной точки зрения. Это обстоятельство и явилось одной из причин франко-русского сближения в 1891—1893 годах. В Индокитае Франция стремилась опереться на Россию, а Россия при поддержке Франции ослабить нажим Англии на Персидную и Среднюю Азию.

Завоевывая узкую полосу побережья на востоке Индокитая, подбираясь к Юньнани, Франция одновременно захватила Камбоджу и старалась проникнуть в Сиам. С другой, западной стороны Индокитая, к Юньнани рвалась Англия.

Захватив Бирму и упрочив свое влияние в Сиаме, она вышла непосредственно к долине Меконга, ставя под угрозу французские владения в Индокитае. «Разве Индии и части Индокитая недостаточно нашим ненасытным соседям?» — негодуя восклицал Лео.

В процессе захватов в этом районе — истории их назвали позднее «бегом к Юньнани» — «великие державы» беззастенчиво попирали права и суверенитет малых государств Индокитая, используя их в качестве разменной монеты в своих политических сделках. С циничной откровенностью французский министр иностранных дел Девель заявил, например, А. П. Моренгейму, русскому послу во Франции, что он «не думает, что нормы европейского международного права могли быть строго приложимы... ко всем без различия частям света и что там (то есть в Индокитае. — Ю. Д.) решающим является право первого захвата».

Тем не менее наиболее крупные государства Индокитая — Вьетнам, Бирма, Сиам — с какой-то трагической обреченностью, особенно ясной для историков, направляли посольства в Европу в надежде отстоять свою независимость, используя противоречия между колонизаторами, о которых страны Индокитайского полуострова в конце XIX века уже имели определенное представление.

Единственной страной, которой удалось сохранить призрачную независимость, был Сиам. Но это вышло отнюдь не итогом его усилий, а следствием противоречий между тремя ведущими колониальными державами: Англией, Францией и Россией. В этом отношении Сиам чем-то напоминает Японию в середине и конце XIX века, в период интенсивного развития ее связей с капиталистическими странами. Последующие же различия в судьбах этих стран — результат чисто внутренних социально-экономических процессов.

Борьба за Индокитай принимала драматический характер всюду, где сталкивались французские и английские дипломаты и военные: в верхней долине Меконга, Луанг-Прабанге, Сиаме. Особенной остроты она достигла именно в Сиаме, у которого в вассальной зависимости находились многие племена и княжества, расположенные по среднему и верхнему течению Меконга. В служебной записке российского министерства иностранных дел так оценивалась политическая обстановка в Индокитае и положение Сиам: «...Обе названные державы (Англия и Франция. — Ю. Д.) не перестают властно предъявлять свои права на преобладающее в стране положение... и, постепенно тесня Сиам с запада, с севера и востока, окружают его наконец непрерывной цепью своих владений».

В конце 90-х годов XIX века на международные отношения в Индокитае все большее влияние стала оказывать еще одна капиталистическая держава — царская Россия. В 1898 году в Сиаме было учреждено ее постоянное дипломатическое представительство. Интересы России в Сиаме представлял А. Е. Оларовский. В одном из своих донесений он писал, что «забывать о существовании Юньнана, Тибета и Сычуаня нельзя. Сиам почти что смежен с Юньнанем и во всяком случае настолько близок, что сообщение между ними может быть устроено с небольшими затруднениями». Перед глазами российской дипломатии стояла угроза английского проникновения в южные провинции Китая, где Англия могла бы создать «процветающую европейскую колонию, некую центральноазиатскую Австралию, что обеспечит вскоре ей безраздельное господство над Китаем».

В России прекрасно понимали — и к этому, в частности, сводилась российская политика во второй и третьей «опиумных» войнах, — что гораздо лучше иметь на своих границах Цинский Китай, чем сильную и враждебную Англию. Но дело было не только в Китае.

В России не забыли о бомбардировке Петропавловска-на-Камчатке во время Крымской войны. Поэтому всякая возможность укрепления позиций английского флота на Тихом океане казалась очень опасной. Представитель России в Сингапуре А. М. Выводцев отмечал, что в случае захвата Англией Сиам «Сиамский залив стал бы главным убежищем и операционным базисом английского флота в Тихом океане». Следует заметить, что как в России, так и во Франции возможность захвата Сиамом Англией явно преувеличивалась.

Таким образом, царская Россия не была непосредственно заинтересована в захватах земель в Индокитае. Ее интересы, так же как и в Китае во время второй и третьей «опиумных» войн, сводились к поддержанию в этом районе политической стабильности. Царское правительство

стремилось играть роль арбитра между двумя враждующими сторонами — Англией и Францией, но вместе с тем не допускать усиления враждебного ей английского влияния, поддерживая Францию. Россия ставила своей целью предупредить возникновение конфликтов в Индокитае и содействовать сохранению добрососедских отношений Франции и Сиам, чтобы «Англия не могла воспользоваться какими-либо осложнениями в этой части Азии для своеобразных видов», — подчеркивалось в письме министерства иностранных дел русскому послу во Франции Л. П. Урусову.

По отношению к Сиаму российскому дипломатическому представителю предписывалась деятельность, носящая «на себе отпечаток благожелательного внимания». Отсюда вытекала политика поддержки Россией независимости Сиам, то есть стремление уменьшить давление Франции на Сиам, чтобы не толкнуть его в объятия Англии.

Французское правительство, со своей стороны, прекрасно понимало, что создание буферного государства между его и английскими владениями в Индокитае явится надежной гарантией для колониальных владений Франции: в военном отношении Франция в Индокитае была в гораздо худшем положении, чем Англия.

Англия также считала идею нейтрального Сиам весьма плодотворной. По мнению английских политиков, имея преобладающее влияние в Сиаме, удерживая в руках 90 процентов его внешней торговли, Англия могла не опасаться последствий такого решения сиамского вопроса, тем более что прямая аннексия этой страны вызвала бы слишком резкое противодействие заключивших союз между собой Франции и России. Кроме того, нейтрализация Сиам ставила преграду дальнейшим стремлениям Франции к расширению ее индокитайских владений на западе.

Так за счет Сиам было установлено относительное согласие трех держав в Индокитае. Это явилось существенным моментом при создании тройственного союза этих держав накануне первой мировой войны.

По англо-французскому соглашению от 15 января 1896 года Сиам был разделен на три зоны. Первая — бассейн реки Менам, или собственно Сиам, самая богатая и населенная часть страны, — объявлялась нейтральной. Англия и Франция гарантировали ее независимость. Вторая — северные и восточные районы, расположенные по правому берегу реки Меконг, старые камбоджийские провинции и лаотянские территории, захваченные в разное время Сиамом, — оставались в зоне французского влияния. Третья — полуостров Малайя — становилась районом английского влияния и в конечном итоге была захвачена Англией. Кроме того, соглашение устанавливало границу между Лаосом (французской зоной) и Верхней Бирмой. Это был типичный договор «великих держав», превративших слабый феодальный Сиам в свою полуколонию.

После поражения России в русско-японской войне 1904—1905 годов политика ее в Индокитае становится гораздо менее активной. Однако Сиам по традиции продолжает видеть в России возможную опору в своих попытках лавировать между сильными империалистическими державами.